

18+

ГАЛИНА АСТАШИНА

Затерянные в тайге

Галина Асташина
Затерянные в тайге

«Издательские решения»

Асташина Г.

Затерянные в тайге / Г. Асташина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980307-8

В глухой восточносибирской тайге, около города Ч., приютилась община старообрядцев. Патриархальная жизнь скита нарушается страшными событиями: внезапное исчезновение старателей с прииска, зверские убийства людей, побег заключённых из колонии строгого режима, ночные погони и перестрелки — все это коснется жизни раскольников. Вместе с тем судьба героев пронизана любовью. Вспомним: «Не стесняйтесь своих чувств и желаний. Другой жизни для них не будет...» А как вы думаете, дорогой читатель?

ISBN 978-5-44-980307-8

© Асташина Г.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Затерянные в тайге

Галина Асташина

© Галина Асташина, 2020

ISBN 978-5-4498-0307-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

С трудом и глухим раздражением, в плохом настроении она с трудом дожидалась, когда все пассажиры этого огромного комфортабельного автобуса наконец выйдут. После подъёма на Голгофу она была очень утомлена, ноги и поясница сильно болели, голова кружилась. Скорее бы остаться одной: ей надо отдохнуть, а затем все тщательно взвесить, вспомнить всё-всё, до мельчайших деталей. Из глаз непроизвольно полились слезы, она никак не могла заставить себя успокоиться.

Утаивать от священника что-либо было постыдно: конечно, не нам судить, как поступали в своей жизни люди, как они жили – праведно или по-скотски, – на это и существует Высший суд. Если же ты решил покаяться от всего сердца, то скрывать что-либо грешно – даже детали и мелочи могут многое объяснить.

Боже! Как же это страшно и стыдно – раскрывать свою душу перед незнакомцем, не упустив ничего важного и нужного. Поймёт ли он её? Наверняка такой мрачной человеческой трагедии святые стены храмов ещё ни разу не слышали, особенно здесь, на этой благословенной и святой земле.

* * *

На задних диванчиках автобуса собралась небольшая группа молодёжи. Кто лежал, кто сидел, рассматривая в большие автобусные окна горожан, улицы и невиданной красоты старинные храмы и мечети. Многие же пары, никого не стесняясь, откровенно, будто на показ, целовались, их руки жадно блуждали по телам партнёров – они во всю демонстрировали свою близость. Подростки шумели, балагурили, и, обсуждая во всё горло очередной анекдот, взахлёб хохотали.

От этого хохота можно было сойти с ума. «Господи, ну почему они не выходят?» Боль в затылке усилилась.

Неожиданно на весь автобус загрохотала музыка. Под разухабистую мелодию в сопровождении хриповатого, но довольно сильного мужского голоса начались «танцы». Девушки визжали и завывали далеко не в такт мелодии, у всех, как по команде, безумно дёргались ноги и руки. Молодые люди были похожи на марионеток, а их массовое шутовство меньше всего напоминало танцы. Судя по всему, они уже распили не одну бутылку крепкого джина или виски, а может быть, вдобавок покурили ещё и травку, поэтому-то их дёргания и напоминали настоящий шабаш.

* * *

Интересно, – думала она, – откуда они приехали в Иерусалим? Судя по нарядам, наверное, из Европы. Но я могу и ошибаться. Она не знала иностранных языков, потому не могла понять, о чём они говорили и что их так веселило. Зачем они здесь, что для каждого из них это святое место? Неужели только желание уехать куда глаза глядят и праздное любопытство двигало ими? Лишние деньги у родителей? Или их влечёт свобода секса, новые связи? Но по всему было видно, что для этой пресыщенной, раздетой по последней моде компании богатеньких отпрысков, ничего святого на свете не существовало.

* * *

Через некоторое время в автобус вошли двое мужчин. Одного из них она сразу узнала – это был водитель автобуса. За ним следом вошёл представительный седовласый полицейский. Жёстко и однозначно подростки были им предупреждены, что если этот «пикник» в автобусе сейчас же не закончится, то они будут высланы из Иерусалима в двадцать четыре часа. Документы, билеты и паспорта на каждого из них в Тель-Авиве, в консульстве. «Если вы не хотите неприятностей в виде депортации, то вам надо хорошенько подумать, как должны вести студенты Соединённых Штатов за границей. И не забудьте, что в Бостонский университет по интернету моментально придёт акт о высылке находящихся здесь студентов, подписанный послом нашего государства. В противном случае, – ещё раз предупреждаю, – первым самолётом – и ту-ту! На родину, в Штаты.

Те притихли. Быстро подхватив свои куртки, сумки и рюкзаки, бесшабашные студенты, молча, гуськом вышли из автобуса. Однако через минут десять из соседнего квартала снова полилась шальная громкая музыка – и пьяная гурьба скрылась из виду.

* * *

Нет, ничего-то они не поняли: это буйное веселье продлится до рассвета.

Мне надо тоже выйти, размять косточки, найти никем не занятую скамейку, сесть и подумать. Но далеко отходить нельзя: упаси Бог заблудиться в чужом городе, не зная иностранного языка. Я и отель свой не смогу найти. И тут она увидела Стену Плача. Автобус остановился на площади прямо напротив неё. Около Стены толпилось много народу, но это её не смутило, и она направилась к женской половине. Как же удобно: напротив женской половины стояли аккуратные ажурные столики, на которых лежали библии, около столиков стояли ажурные лёгкие кресла.

* * *

О ней, о Стене Плача, слышали многие из прихожан её общины, а вот историю возведения храма Давидом, а затем продолженное Соломоном, его сыном, знали в скиту единицы. Сама же она перед самым отъездом перечитала большую серьёзную книгу, которая так и называлась: «Иерусалим. Три религии. Три мира». В голове промелькнуло: «Дай Бог, чтобы эта старинная величественная стена, которая, по преданию, говорит и слышит Бога безо всяких посредников, помогла мне. Помогла не пасть в отчаяние, не навлечь ничего дурного на всех наших близких, ибо много плохого уже случилось».

Боже! Прости мои грехи, вольные и невольные, и помоги мне!

* * *

По направлению к тому месту, где она сидела, направлялась небольшая группа священнослужителей. Она попросила свою соседку написать на английском несколько слов, чтобы священники поняли, что она хочет выяснить. Судя по одежде и головным уборам, они принадлежали к ортодоксальной еврейской религии.

Она стремительно поднялась, боясь, что её не заметят, и подошла к ним.

– Простите меня за беспокойство, не могли бы вы подсказать, где можно найти переводчика. Я приехала из Восточной Сибири. Иностранными языками не владею, а мне необходимо кое-что важное выяснить в православной церкви. Я боюсь, что не смогу толком объяснить даже вам свою просьбу.

– Прошу вас, не волнуйтесь. Зовут меня Михаил. Я ваш земляк, тоже из Сибири, прожил в России около двадцати пяти лет. А потом махнул на историческую родину. Может быть, я смогу вам чем-то помочь?

– Михаил, меня зовут Ольга Васильевна, приехала я из общины старообрядцев. Практически всю жизнь я прожила в скиту. Раньше нашей маленькой общиной (у нас всего пятнадцать дворов) руководил мой муж, но после его кончины... Спаси его душу, Господь!.. эти обязанности стала выполнять я. Конечно, это странно, но в нашей общине мало мужчин. Да и о тех, кто живет в общине, прямо скажу, я невысокого мнения. Молодёжь, та разбегается в большие города, стесняется креститься и сквернословит через слово. Наверное, сказывается большое количество лагерей недалеко от нашей общины. Представляете, Михаил, неизвестные лица ночью подожгли часовню, украли старинные иконы старообрядцев. Теперь вам понятно, почему мне пришлось взять на себя ответственность за наш скромный быт, за право прихожан на свою веру.

Конечно, скит не хоромы, и, к сожалению, истинные раскольники давно привыкли жить без всяких удобств и излишеств.

– Да, Ольга Васильевна, всё, о чём вы рассказали, более чем печально, но давайте вернёмся к вашим вопросам. Итак, все приехавшие сюда христиане посещают Иерусалимскую православную церковь. Там каждый из них может помолиться, исповедоваться, посоветоваться с настоятелем. Кстати, настоятель этого храма человек очень доброжелательный и чуткий. Надеюсь, что вы найдёте с ним общий язык. Правда, церковь находится в восточной части города. Идти туда пешком далеко, но это ещё полбеды. Чтобы попасть в ту часть Иерусалима, надо пройти специальный кордон, который охраняют внутренние войска. И просто так, без соответствующего разрешения, у вас вряд ли это получится.

Поэтому разрешите дать вам совет. У водителя автобуса, который сюда привёз туристов, купите билет с обязательной оплатой услуг экскурсовода. Такой билет и будет являться пропуском через административную зону на территорию арабской части города. Сегодня уже поздно: большинство туристов поедет к Мёртвому морю. А завтра, пораньше, займёте в автобусе удобное место. Экскурсовод проведет вас до храма и познакомит с его настоятелем.

Вот как раз появился ваш водитель. Подойдите к нему, передайте записку от меня. В ней будет вся информация: во сколько отъезжает первый автобус, где его стоянка. Назовите ваш отель, а он на карте или на листочке нарисует, как вам быстро и удобно добраться до стоянки. Обычно все автобусы отправляются отсюда, от Стены Плача. Не забудьте взять с собой воду. И ещё одно: в Палестине, а вы именно туда направитесь, не соблазняйтесь покупать что-либо из того, чем промышляют арабские детишки. Особенно это касается красочных икон. Это все неумелые подделки: краски на них быстро тускнеют, а некоторые содержат в большом количестве химические вещества. Намалёваны эти «шедевры» на специальной промасленной бумаге. Да и бумага с какой-то неизвестной пропиткой. Так что будьте осторожны. Ну вроде все. Минут через пятнадцать автобус развернётся и поедет в сторону Мёртвого моря. Все городские экскурсии отправляются строго по расписанию – не будем задерживать водителя. Так что, поспешите.

Он улыбнулся ей и сказал: «Счастливого пути, Ольга Васильевна, и да хранит вас Всевышний».

Часть первая

Глава 1

Красота и тишина. Такой красивой осени старожилы давно не видели в этом краю. Но Василию было не того. Он спотыкался, тяжело дыша, не замечая ни ветвистых кустов, осыпанных ягодами, ни зелени, весело пестревшей разноцветными цветами. Безжалостно наступая на эту красоту, напоминающую красивый узорчатый восточный ковёр, Василий спешил изо всех сил. Огибая крупные камни, он не чувствовал усталости, не заметил, что несколько раз чуть не подвернул ногу, но главное – не терял надежды.

Надо бежать – и бежать изо всех сил! Не сбавляя скорости, он мчался наверх, потому что только с вершины сопки можно было разглядеть дорогу, которая из тоненькой полосочки у подножия сопки, расширяясь, постепенно превращалась в широкую трассу. Дорога шла на Читу, с обеих сторон её окружала тайга, огромные непроходимые болота и сосны-великаны. Проложили её уже давно, говорили, что строили её заключённые. Однако этой дорогой никто уже давно не занимался, не чинил, не асфальтировал, потому была она вся в трещинах, ямах, похожих на воронки от бомбёжек. В выемках и трещинах часто застревали машины, особенно тяжело нагруженные.

В этот утренний час дорога спала, было все тихо: ни машин, ни телег, ни одного зверька, прошмыгнувшего через тракт. – Никого. Куда все подевались? Ни транспорта, ни людей! Обычно в это время уже были слышны разнообразные звуки: у кого-то урчал мотор, подсоединённый к помпе, кто-то выливал из тазов отработанную воду, журчала, как ручеёк, льющаяся вода из шлангов, доносились голоса старателей. Для золотодобытчиков такая тишина непривычна. Вася подумал: «А вдруг где-то занялся пожар и все помчались туда? Может быть, именно потому так тихо?»

Всматриваясь вдаль, он нигде дыма не заметил, но всем телом почувствовал, что стало гораздо холоднее: одна лёгкая рубашонка, небрежно заправленная в тренировочные брюки, и летние сандалии тепла не давали.

Поглядев на небо, он все понял: солнце почти наполовину было закрыто огромной чёрной тучей, навстречу ей быстро приближалась такая же мохнатая, иссиня-чёрная, страшная туча. «Когда они столкнутся, – подумал юноша, – начнётся не просто обыкновенная гроза, а сильнейший ливень с ветром и молниями. Лить будет как из ведра – вот уж никому мало не покажется!»

Надо скорее бежать обратно, может, мои уже дома, а я тут цветочки нюхаю и как столб стою».

Поднявшийся ветер играл с дверью в теннис: дверь неутомимо отбивала подачи. Она была под стать домику – одно название: вся разболтанная, продуваемая и еле держалась на одной петле. Да, ничего не скажешь, удружил им подрядчик. Правильно мама говорила дяде Лёне, что этот прохвост жаждал получить на лапу, вот тогда бы он пошевелился: и домик нашёл покрепче, потеплее и казённое оборудование в виде мотора подобрал получше.

Дождь, не торопясь, набирал силу. Крыша в нескольких местах дала сильную течь, на полу образовались огромные озёра. Паренёк нашёл какие-то замызганные тряпки, ветошь, лежавшую по углам, набросал на те места, где особенно сильно протекало.

Ни грозы, ни молний Василий не боялся, но подсознание шепнуло: а вдруг тебя бросили? Ему стало жалко себя. Нет, такого не может быть – мои меня любят. Других же старателей тоже нет, куда они все могли подеваться? Только вчера вечером, перед сном, здесь кипела во всю мощь работа. Интересное кино получается!

Понятно, что мама в тайгу одна не пойдёт: во-первых, она страшная трусиха, да и в грибах и ягодах не шибко разбирается. А потом ей же надо нам завтрак готовить. Самое время перекусить.

Вася вспомнил, что недавно слышал, как дядя Лёня говорил маме: «Голубушка, поторапливайся, у твоих добытчиков животы подвело от голода. Чем раньше начнём мыть породу, тем больше золотишка намоем. Сын твой трудится на славу, ты ему каши побольше положи и про меня не забудь. Слава Господи, что нынче осень сухая. Ведь в этой хибаре помыться можно только под протечками, я уже и не говорю о стирке. Куда это годится?»

Какого же я прохвоста проглядел, а ещё думал, что в людях толк понимаю, а вот, поди же, как вышло: какие он мне песни пел, что, мол, и коллектив замечательный, один за другого в огонь и в воду, и добросовестно работают, с самого утра до заката, да и воровства нет.

Катюш, представь себе, каков прохвост: бригаду только набирал, а мне во всех красках уже расписывал её доблести. Он-то, конечно, тот еще прохиндей, но я как оплошал! Дурак дураком, запал на его красивые речи. Да ещё про какие-то проценты всё время повторял... не прощу себе такого!

Ладно, что теперь об этом говорить.

Если мы выручим неплохие деньги, Катюша, сначала Василию купим компьютер, самый современный, потом сыграем свадьбу, чтобы все было по-людски. А то, что твоя матушка на меня косо смотрит, так это пройдёт, она привыкнет ко мне. Да как же можно не полюбить будущего зятя, который домой золото приносит? Сама увидишь, Катюша, золото никого равнодушным не оставляет. Есть в нем этакая небывалая силища!»

Шум дождя клонил ко сну, глаза слипались. Василий залез с сандалиями на кровать, вспомнил почему-то школу: ему совсем не хотелось туда возвращаться, хотя осталось закончить последний класс, но все эти парты, ручки, тетради, те же преподаватели – всё приелось. Какая же там скучища, но, засыпая, он представил, как ему будут завидовать его одноклассники, узнав о новом современном компьютере, улыбнулся и через несколько минут заснул.

Однако сон был недолгим. Открыв глаза и потянувшись, он подумал: интересно, а где все инструменты, где мотор, ведра, лопаты, шланги и тазы, не говоря о топоре и большой бобине крепких верёвок? Интересно, а куда могли деваться мамины вещи: старинное зеркальце, её помада, пудра, сумка, где находились документы, фотографии, чистые носовые платки и кое-какая мелочь? Кому это-то понадобилось? На заимке всего лишь две женщины – мама и Ольга Васильевна, мать одного из старателей. Вот она вообще никакой косметикой не пользуется, а какая красивая. Он вспомнил своих одноклассниц, чьи лица были так размалёваны красками, что противно было на них смотреть. Чудно все это... Вздохнув и зевнув, он перевернулся на другой бок и через минуту оказался в гостях у Морфея.

Глава 2

Неожиданно дверь с такой силой грохнула, что юноша вздрогнул и подскочил. Стало страшно: вдруг молния попадёт именно в их домик – тогда он моментально запылает. Снова громыхнуло, но уже как-то по-другому, и он понял, что это вовсе не гром, а стук – кто-то настойчиво и довольно громко стучал в дверь. Зачем стучать? Она и так приоткрыта. Паренёк слез с кровати, открыл настежь болтающуюся на одной петле дверь.

За дверью стояла Ольга Васильевна. Она улыбнулась Васе, хотя лицо оставалось строгим.

– Ну, парень, ты и горазд спать. Так все на свете проспидишь. Ты, что, прямо во всем мокром лежал, ой, да ещё и в сандалиях. Хорош, ничего не скажешь, а если заболеешь?

– Не беспокойтесь, тётя Оля, не заболею, я закалённый. Вы мне лучше расскажите, что у нас произошло? Почему никого не видно? Куда девался весь народ? Утром я забрался на сопку посмотреть, что там внизу, на дороге. А потом, когда начался ливень, я вприпрыжку домой, но все равно вымок до нитки. Так вот: я смотрел–смотрел, да никого и не увидел, ну хоть бы кто появился – так нет, никого не было.

– Вася, голубчик, да не тарахни ты, как трактор. Сядь и слушай, и, кстати, дай-ка мне какую-нибудь табуретку, чтобы под моей фигуристой комплекцией она не рассыпалась.

– Табуретки в этом доме опасные, все разошлись. Лучше садитесь на кровать.

– Итак. Все по порядку. Наш подрядчик поздно, когда ты уже крепко спал, собрал всех в наш домик, каждого оглядел и начал вести назидательную беседу со всеми старателями. Слава Богу, что все были на месте: никто в Читу не поехал на танцульки, хотя клуб работает до двух ночи. Вот что он сказал: «Сейчас сюда, на заимку, должна прибыть полиция, проверить обстановку, наличие всех рабочих и все остальное (а что остальное – никто не понял). Через час никого из старателей здесь не должно быть. Между нами говоря, Вася, подрядчик наш, – тот ещё прохвост, он мне давно не нравился – так вот, он велел оставить все казённое оборудование в домиках, с собой ничего не забирать, мол, всё проштамповано и учтено – от каждой ложки до моторов.

Если кто-то позарится на это добро, тому статья обеспечена. Это не касается личных инструментов и приспособлений, их, конечно, забирайте вместе со своими вещами.

Если кто-то из рабочих задумает скрыться по дороге, чтобы единолично добывать золото, так сказать втихомолку, тому тоже несдобровать. Все фамилии старателей переписаны, обо всех всё известно: кто, откуда, как сюда попал. Кроме того, полиция в курсе, кто за что срок отбывал и по какой статье, когда кто освобожден. Им даже известно, где проживает близкая родня каждого. Надеюсь, это понятно.

У вас, естественно, может возникнуть вопрос: как же так получилось: сезон ещё не закончился, а нам от ворот поворот. Отвечаю: все претензии не ко мне, а к полиции, оттуда все перемены идут. Мне стало известно, что какой-то капитан, из молодых, но, судя по всему, довольно прыткий, перепродал наш участок другому полицейскому «коммерсанту» за очень, повторю, очень большие деньги. Вот нас, старую бригаду, и потеснили с заимки. Теперь здесь будут работать другие старатели.

Хочу всем напомнить, по нашему договору, который каждый из вас подписал, десять процентов от вырученной суммы надо будет отдать мне. Почему? А разве вам не ясно? Вы что ли взятки будете платить? Той же полиции и чиновникам. Во-первых, за то, что земля, где вы мыли золото, – государственная, во-вторых, – за наём и использование жилища и, наконец, за предоставленное оборудование. Вопросы есть? На этом у меня все. А сейчас быстро все по хатам собирать свои пожитки, всё складывайте в багажник «джипа». До Читы я вас всех подброшу, а кому места не хватит, поедут на полицейской машине. Остановимся около вокзала, с вещами сами там разберётесь. Поторапливайтесь.

Да, ещё раз о процентах. Так как вы все не отработали полный, оговорённый в договоре, срок, я иду вам навстречу и уменьшаю проценты до пяти. Вернуть можно золотом, можно валютой или «деревянными» по сегодняшнему курсу. Завтра всех по списку жду там же, где вы нанимались, в конторе по трудоустройству, в окошечке «Индивидуальный предприниматель». – Я буду там с утра».

На людей, Вася, было жалко смотреть. Многие загрузили, подсчитывая в уме, сколько они намыли золота, отнимали от выручки проценты и подытоживали остатки.

«А вот, кстати, к нам полиция пожаловала, – сказал подрядчик. – Давайте, ребята, поживее, поживее. Время мало у нас».

– Теперь о тебе, Василий. Екатерина, мама твоя, попросила на время, буквально на два-три дня, тебя взять к нам в скит. Как только они с Леонидом золото продадут, сразу приедут за тобой. Наверное, послезавтра или чуть попозже. Приедут прямо сюда, на заимку.

А мы с тобой будем сочетать полезное с необходимым: пойдём сначала в тайгу, наберём грибов и ягод, покажу тебе наше знаменитое коварное болото, – не бойся через него не пойдём, для этого нужны навык и опыт, кстати, по болоту если идти, то через пятнадцать – двадцать минут ты уже на заимке. А мы в обход, это примерно час, час с лишним. Потом уже сюда, здесь и будем твоих ждать.

Вася, ну не спи на ходу, слышишь меня? Собери свои носильные вещи, обувь, разные мелочи, уложи всё в рюкзак и пойдём ко мне. У нас в домике-то гораздо лучше, чем в вашей развалюхе, а главное теплее. Хоть отогреешься, да и покормлю тебя, – с этими словами она вытащила из передника ещё тёплый пирожок. Пирожок исчез в одну секунду. Давай, Вася, не мешкай. Ты собирайся и слушай меня дальше.

«Наконец прибывшие блюстители порядка переписали всех присутствовавших по фамилиям, для порядка просмотрели несколько сумок. Затем у каждого старателя уточнили, где он будет проживать или находиться в Чите. Закончив свою „бухгалтерию“, полицейские со всеми остальными стали поджидать окончания сборов, сидя на пеньках и пыхтя папиросами».

Глава 3

Два дня ожидания пролетели очень быстро. Но Вася время не терял – его интересовало буквально все: огороды за домами, маленькие постройки во дворах, благо, между домами не было заборов.

Когда он зашёл в курятник, петух явно забеспокоился, шипел на юношу, притоптывая, и с хрипом пытался что-то прокукарекать. Но так же быстро успокоился, когда понял, что его любимым несущкам ничего не грозит.

Василий долго стоял в конюшне, гладил по спинам лошадей и дал им по конфете. Увидев, что почти все отруби и овёс у них закончились, подсыпал свежего корму, ещё раз погладил стареньких, но больно милых животных.

Выйдя из конюшни, он направился в свинарник. Свиноматки, пообедав картошкой с овощами, отдыхали. Малышня свернулась около своих мамаш, сладко похрюкивая, предавалась сладкому дневному сну.

Ольга Васильевна с интересом и удивлением наблюдала за подростком. Судя по его интересу к животным, огородам, к домам старообрядцев, построенным очень давно, она подумала, что в этом пареньке все задатки стать хорошим хозяином. Непременно кому-то очень повезёт с мужем. Но, вспомнив, что скоро надо собираться на заимку встречать родных Василия, – грустно вздохнула.

* * *

Хотя дорога была уже знакома, они утомились. Ольга Васильевна шла тихо, часто останавливалась, показывая юноше кустарники со созревшими ягодами.

Вот, Вася, обрати внимание на это растение, называется оно «лимонник китайский», – это древесная лиана. Её у нас ещё называют дикой «ягодой пяти вкусов». Корни её сушат. Из лимонника делают добавки к чаю, другие напитки. Глянь на этакую красоту: ярко-красные кисти полыхают, как огоньки в ночи. Поспевают эти ягоды к середине осени. Здесь собирают много клубники, но её сезон уже закончился. Около болота и даже на его территории растёт много черники, мало того, что она вкусна, её хорошо протирать с сахаром, она жар снимет. Черника хорошо восстанавливает зрение.

Здесь даже растут ананасы. Кстати, ананас – это не фрукт, а ягода. Если его положить верхом дном, то он быстро созревает. Что касается растений, то мы ничем не хуже каких-нибудь тропиков. Вот, погляди направо, видишь кустарник с красивыми фиолетовыми цветами? Это багульник. Он и душу и сердце радует, да ещё и зацветает одним из первых в наших краях. Какая же красота, когда он цветёт, глаз не оторвать.

Ну о ромашке я распространяться не буду: на уроках биологии вам должны были подробно рассказать о её полезных свойствах.

Растут у нас и сон-трава, и морошка, и душица. Душицу называют «блошничком», а другие – «клоповником». Догадался, зачем она нужна? Вообще-то душица – это лесная мята.

Да, дружок, о растениях нашего края можно целыми днями рассказывать. Если приедете ко мне в гости, я покажу вам все полезные растения. Научу тебя и маму делать отвары, примочки, настои. Например, из шалфея или чабреца. И расскажу о них много.

Вася, а мы ведь уже пришли. Что ты озираешься? Не узнал нашу бывшую заимку, общую кормилицу? Вон ваш домик стоит и скрипит.

А где же новые старатели? Где новая бригада? Ты только посмотри – ни души! Я думала, что здесь шум-гам, народу работает много, а на самом деле – никого! А уж как нас полиция-то तोпила! Будто на последний поезд опоздаем!

Давай-ка по такому случаю выпьем чаю. Отдохнём. Где будем ужинать – в домике или на воздухе? – Правильно, давай расположимся вот у той сосенки. Скоро уже твои приедут, наверное, на попутке или такси. Возьми из баула клеёнку, пищу и воду, там вилочки и ножи, тарелочки из пластика – всё, что нам нужно. За это время мои ноги и восстановятся. Она вытащила из кармана плоскую баночку и стала натирать ступни.

Вася тем временем набрал хворостин, сухих веток, принёс откуда-то пожелтевший листок старой газеты. Сбегал в их бывший захудалый домик, откопал где-то старый чёрный, пригоревший во многих местах, чайник, спички и разжёл костёр.

– Ну, Василий, первым делом помолимся Богу за дарованную нам пищу. Ты молись про себя, своими словами. А после трапезы расскажешь мне, как вы с мамой попали в наши края. Давно ли приехали? Как с дядей Лёней познакомились. Мне кажется, что он неплохой человек, трудолюбивый, безотказный, к маме и тебе хорошо относится. У вас в городе, мама говорила, бабушка осталась. Она сама за собой ухаживает или ей кто-то помогает?

– Тётя Оля, сколько же у вас сразу вопросов! Давайте я вам сначала чаю налью.

– Спасибо, а куда ты собрался наливать? Кружки же вынуть забыл. Они, завернутые в бумагу, лежат на самом дне баула. – Вот-вот, они самые.

После лёгкого перекуса, попивая из кружек горячий чай, они продолжили беседу.

– Тётя Оля, попробую рассказать всё по порядку. Родился я здесь, в Чите. А бабушка с мамой до Читы жили в Рязани. Отца своего я никогда не видел, даже фотографий его не сохранилось. Бабуля сказывала, что он, когда узнал, что мама в положении, на следующий день собрал свои вещи и был таков. Тогда бабушка в сердцах их совместные фотографии разорвала. Я даже не представляю, какой он. Мама стыдилась, что он бросил её беременной, поэтому стала искать работу в другом месте, где бы её никто не знал. И в нашей областной газете нашла объявление, что требуются повара, официантки и буфетчицы в новый ресторан. Она пошла прямо в редакцию газеты, а там ей объяснили, что ресторан-то открылся, но не в Рязани, а в Чите. Это далеко, это Дальний Восток, через всю страну придется ехать, зато должность с перспективой. Ресторанный трест даже оплачивает переезд, но требуется диплом по специальности. А мама кулинарное училище в Рязани закончила.

Так что всё сложилось, как ей было нужно: поскорее и подальше уехать.

– А как это понять «должность с перспективой»? Не могу представить, какая может быть перспектива, например у официантки, – поинтересовалась Ольга Васильевна.

– Мама тоже спросила об этом, и в газете ей объяснили: первые три месяца она будет жить в общежитии бесплатно, потом недалеко от работы получит комнату, а через год въедет в отдельную квартиру. Вот что они имели в виду.

Мне сейчас почти восемнадцать лет – вот сколько мы с мамой здесь. А бабуля приехала через два года, после того как мама устроилась, приехала прямо в новую квартиру. Ехать сюда, честно говоря, она не хотела, но понимала, что одной ей будет тяжело. Годы уже не те. В Рязани дом старый, комнаты старые, всё без ремонта. А когда решила на переезд, она дом продала, забрала кое-какую мебель и немного вещей, памятных ей. Заказала товарный вагон, который перевозит крупные вещи, и на каждой станции бегала смотреть, всё ли там в порядке, целы ли замки. А мебель была старая: шкаф полуразвалившийся, диван продавленный, у стола не хватало ножки. Но она со своим добром не могла расстаться. А уж как она не хотела переезжать, вы бы знали!

Вот, тётя Оля, характерная деталь. У неё пересадка была в Москве. Как же она о Москве-то сказала? А, вспомнил: «Шум, гам и суета, очень много проходимцев и попрошаек. А вокруг дома стоят аж до неба. Жаль мне москвичей. Чем они там дышат? Право слово, не город, а улей растревоженных пчёл». Правда, хорошо сказала бабуля?

Мама в буфете трудилась вовсю, зарабатывала приличные деньги: честно говоря, буфетчицы всегда немного «химичат» с водкой, коньяком и бутербродами. Но её шеф ценил за то, что она сама не пила, была не из болтливых и очень уж шустрая. К ней никаких очередей никогда не стояло, и покупатели все были довольны.

Теперь о Леониде. Он познакомился с мамой по переписке. Кто дал ему мамин адрес, я не знаю. Да это и неважно. Дядя Лёня появился через месяц после первого письма, ухаживал за мамой. Они дома не сидели – кино, кафе, парк. Видно было, что маме он очень нравится. Через месяц он к нам переехал. А бабуля не доверяет этим письмам, и не то, чтобы не любит дядю Лёню, скорее, она всем мужчинам не доверяет. Говорит, что у современных мужчин на уме только желание хорошо пристроиться, сытно есть и сладко спать, а лучше всего – найти себе дурочку и жить на её деньги. Вот такая у неё философия.

Ну и, конечно, с первых же дней по приезду бабуля стала меня воспитывать, причём со страшной силой, иногда и ремешком. Очень часто она закрывала входную дверь на ключ, чтобы я на улице не шлялся с друзьями. И только одно повторяла: «Делай уроки, читай книги, учись, пока молодой! Потом поздно будет. Учись, внук, учись». Ох, как она меня мучила своими наставлениями. Что уж там говорить, я её даже побаивался маленько. Зато в дневнике ни одной тройки.

Бабуля тогда не так часто болела. Всех маминых кавалеров, которые иногда появлялись у дверей, выставляла: нечего, говорит, сюда шляться, вам бы только безотцовщину плодить. Язычок у неё ух какой: словечко за словечком. Не переспоришь – не переговоришь, зато она добрая и хорошая, мудрая женщина, рассудительная. Мне её очень жаль: болеет долго. Лежит целыми днями на своём старом любимом продавленном диване, в потолок смотрит и что-то шепчет, шепчет. Я прислушался: она молитвы читает.

Как-то её спрашиваю: «Бабуль, расскажи, о чём или о ком ты молишься. Что с тобой произошло в жизни?» Так знаете, тётя Оля, что она ответила: «Людей, Вася, я видела много разных: плохих и хороших. О многих знала такое, что и говорить стыдно. А хорошие люди, по-моему, никого не задевают, живут тихо и не во что не влезают. Их порой как бы и нету. Их жизнь самая обыкновенная, тихая, простая, ничего необычного. Вот и моя, считай, жизнь уже прошла, а счастья в ней было лишь малый кусочек. Не везло мне с ухажёрами: к моему берегу приставали одни прохвосты и дармоеды, короче говоря, шваль человеческая. За всю жизнь только один человек достойный мне встретился. Настоящий. Умный. Добрый. Любили мы очень сильно друг друга. Ни одного дня врозь, всегда и всюду вместе. Он даже пелёнки дочке нашей, Катюше, матушке твоей, сам стирал и гладил...

Приучил меня музыку слушать, у него много было хороших пластинок; мы с ним часто в парках гуляли – ходили на цветы смотреть. Бывало, посадит Катюху на загривок, а меня за руку держит и говорит: «Ну какой я молодец: у меня что жена, что дочь, обе красавицы!»

Несколько раз мы с ним ходили в театр. Но театр я не люблю: декорации все наспех нарисованы, ветерок их обдувает, а они качаются. Да и актёры неестественные какие-то: надо о любви говорить, а главный герой кричит, руки заламывает, они у него ходуном ходят, а возлюбленная его, та лет на двадцать его старше, зеваёт и рот веером прикрывает, тьфу! Короче говоря, не нравится мне театр, от нашей нелёгкой жизни уж больно он далёк. На сцене одни ряженые, как на детском утреннике.

Ну да ладно, вернёмся к мужу. Во всем он мне помогал, жалел меня, прожили мы с ним душа в душу почти пять лет... От зависти, что бывает такая любовь, один из его друзей на него донос написал. Вот что зависть с людьми делает! А когда мужа арестовали, пришёл ко мне свататься, думал, что я ничего не знаю про донос. И не узнала бы, но мне сам следователь рассказал. Рассказал, потому что сам был удивлен, как мог простой рабочий, трудолюбивый и не пьющий человек, замышлять диверсию на огромном заводе, с четырьмя корпусами, в самом центре большого города. Ты только сам подумай: в чертежах муж не разобрался, техникой не интере-

совался, никакой взрывчатки дома не оказалось. Когда улики искали, все стены в доме злодеи разрушили, да так ничего и не нашли...

Палачи поганые из нашего рязанского отдела госбезопасности стали к нему применять особые методы: отбили лёгкие, переломали все ноги... Ох, милый друг, сколько я ночей не спала! Переписываться нам не разрешалось. Я за всю жизнь всего два письма получила от него: первое мне под коврик около входа в дом кто-то подсунул (соседка сказывала, что мужичок какой-то был проездом, но очень торопился, сунул письмо и быстро ушёл). Письмо первое он написал мне из Тайшета, с лесоповала. Второе письмо мне жена такого же бедолаги передала на улице. В нём муж писал, что весь лагерь расформируют и куда его пошлют, он пока не знает. И я вот до сих пор не знаю, где он лежит, где последний вздох сделал, как умер и где похоронен. Посадили его на двадцать пять лет.

Бумага пришла, официальная, вскоре после второго письма, что умер он от эпидемии. На бумаге той какой-то штампик размытый стоял – прочесть, откуда прислано, было невозможно. А на конверте только мой адрес рязанский в полосочке «куда», а в полосочке «откуда» стоял номер почтового ящика. А с моим переездом в Читу и конверт, и письмо куда-то запропастились.

Ох, Васенька, как же мне пришлось тяжело одной да ещё с ребёнком. Профессии никакой. Жена «врага народа». Только и могла, что устроиться в школу уборщицей. Все знакомые от меня отвернулись, смотрели искоса, побаивались меня. Так еле-еле до пенсии и протянула в школе. А жила и думала – мне тяжело, а как ему там, хоть бы не заболел, хоть бы не надорвался, хоть бы под нож бандитский не попал.

Молилась о нём каждый день. И сейчас каждый божий день молюсь за его душу. А как его не стало, на пенсии на меня куча болячек налетела и подкосила. Наверное, уже и не встану».

Вот такая у неё печальная судьба.

Я как приеду в город, сразу к бабуле. Я зарок дал. Маме не до неё сейчас. У мамы большая Любовь. Она про бабушку почти не говорит...

Ой, тётя Оля, сюда легковушка едет. Уже почти у поворота... Это точно мои.

Из-за поворота показалась легковая машина, но это был милицейский «газик». Остановился он, чуть не доезжая пустой и тихой заимки. Из машины вышел шофер и направился к ним. Поздоровался с Васей и пригласил Ольгу Васильевну в машину.

Убрав всё с клеёнки, на которой они ужинали, закопав всё недоеденное, Вася затушил костёр и отнёс чайник в свою бывшую халупу. Сполоснул ложки и вилки, потом мохнатой еловой веткой подмёл мусор и стал ждать Ольгу Васильевну. Прошло около часа.

Она вышла из машины, растерянная, её шатало, и глаза были в слезах. Попрощавшись с Василием, шофёр открыл дверцу и хотел уже сесть за баранку, в этот момент Ольга Васильевна крикнула ему: «Минуточку, Юрий, вы кое-что забыли». Она вытащила из кармана деньги и передала их шофёру.

Ольга Васильевна была так бледна и расстроена, что Вася почувствовал: задавать никаких вопросов ей сейчас не нужно: сочтёт нужным, сама всё расскажет. Он сказал только: «Ольга Васильевна, я вижу, что вам плохо, давайте зайдём к вам в домик, где вы полежите и отдохнёте, а как вам лучше станет, мы пойдём домой. А я рядом буду, посижу с вами, буду вашей охраной».

– Спасибо, Васенька, так и сделаем. Я отдохну, а потом пойдём домой.

В скит они добрались около полуночи. Хорошо, что ночь была лунной: даже без фонарика все тропки и дорожки были освещены её светом.

Глава 4

Безоблачное небо и тёплое утро обещали хороший денёк. Ольга Васильевна и Вася выпалились всласть. Вася выбежал на воздух, побегал немного, отжался сколько было сил и умылся. Когда он зашёл в дом, на столе уже стояли две глубокие тарелки, а в них пшённая каша, источавшая такой аромат, что можно было с ума сойти. Рядом – две большие кружки киселя.

– Вася, поблагодари Господа за пищу, посланную нам. Помолимся. – Вася покраснел: он вспоминал «Отче наш», но из головы молитва вылетела, он еле-еле вспомнил только первую строчку.

– Не смущайся: выучишь со временем. Эта молитва главная в христианстве. Её должен знать каждый верующий. Вот слушай меня и повторяй...

За завтраком Вася сказал: «Тётя Оля, простите меня, я случайно вчера увидел, что около машины вы передали Юрию деньги. А я у себя в рубашке нашёл пять тысяч, наверное мама мне их туда сунула, но они мне не нужны. Возьмите их, прошу вас. В хозяйстве они больше пригодятся. Можно продукты на них купить или ещё чего-нибудь. Хорошо?»

– Спасибо, дорогой. Добрый ты человек. Ещё раз спасибо, – грустно вздохнув, она добавила. – Денежки, Васенька, оставь себе. купишь бабуле конфет или подарить ей цветной платок с бахромой и цветочками. Пожилые женщины любят накинуть такую красоту на шею или голову им прикрыть.

– Ой, а мне даже в голову это не пришло. Я так и сделаю. Тетя Оля, а ещё вы мне обещали рассказать про болото. Короткий путь хотели показать прямо к займке.

– Я помню. Когда будет свободная минутка, в чулане подберём тебе сапоги: в таких сандалиях по болоту не пойдёшь. Да ещё и не время, у меня ноги сильно «крутит». Значит, погода скоро изменится, наверняка будет холодно; листья скоро облетят, дожди пойдут. Так что сейчас не до болота. Правда, впереди «бабье лето», может, ещё будут золотые деньки.

Вася, я сейчас обойду всё хозяйство, зайду к некоторым семьям – нужно кое-что обсудить. Мы с дочкой и внуком в первый погожий денёк собирались поехать в город на «Ярмарку выходного дня». В первый же день, когда небо будет ясное и чуть теплее. Ярмарка около месяца будет работать. Надо будет соседям необходимое подкупить: разные продукты, корма, овёс для лошадей. Курам надо подкупить пшена и витаминных добавок.

У меня к тебе просьба: пока меня не будет, поколи немного дровишек. Ты колоть-то дрова умеешь? Когда-нибудь в руках держал топор? – Ну и отлично. Пошли, я тебе покажу сарайчик с дровами и чурбак, на котором удобно колоть.

* * *

«Лучше возьми вон тот топор, с зелёной ручкой, он от большого чуть правее висит. Топор что надо: размером поменьше, а в руке хорошо сидит. И не забудь: никогда не торопись, спокойнее работаешь – больше сделаешь. Всё, трудись, Вася. Я побежала».

Руки от вынужденного безделья просили работы. Вася с большим удовольствием стал колоть дровишки. Сначала топор ходил ходуном и всё время пытался застрять в дереве, пару раз стал «хулиганить»: прошёл около руки совсем рядом, буквально в сантиметре. «Вот чуть-чуть поторопился и мог бы пальцы себе оттяпать, правильно сказала тётя Оля, нельзя торопиться».

Боковым зрением Вася заметил, что рядом с домом кто-то стоит и внимательно смотрит на него. Он отложил топор, отряхнул опилки с брюк и подошёл к стоящим.

– Здравствуйте, Анна, дочь Ольги Васильевны, – сказала абсолютная копия совсем молодой Ольги Васильевны. А этот молодой человек мой сын. Зовут его Никифор, но мы все его зовём Ника.

– Добрый день, а я Василий. Я на заимке золото мыл, но нашу бригаду распустили, а новая ещё не приехала. Так что я теперь без дела, вот помогаю вашей маме по хозяйству. Сейчас немного поколол дровишек.

А что мы с вами здесь стоим? – Пойдёмте в дом, я вас чаем напою с вареньем. Они втроём отправились к дому.

Навстречу им шла Ольга Васильевна. Увидев дочь с внуком, она заулыбалась и быстрым шагом поспешила к ним.

«Аннушка, девочка моя, как я скучала по тебе». Они вдоволь нацеловались, внука тётя Оля взяла на руки и подбросила вверх. И все это с поцелуями и прибаутками. Ник улыбался, довольный и счастливый, он поцеловал бабушку и требовательно сказал: «Баушка, а хде подарок?»

– погоди, малыш, будет тебе подарок. Мы с мамой скоро поедem в город, и там, на ярмарке, я тебе куплю все, что ты пожелаешь. А что ты хочешь? Ник задумался – бабушка помогла: можно купить мягкую игрушку: медведя, кота даже тигра. Можно конструктор: будешь собирать всякие домики затейливые, или машинку заводную, или краски для рисования. Ты пока подумай хорошо, а потом по секрету мне скажешь. Договорились?

– Холосо, баушка, договорились. А можно мне всё сразу купить?

– Ник, милый, а что тогда другим деткам достанется, если я тебе всё одному куплю? Не будь таким жадным, другие малыши тоже хотят играть.

Все от души смеялись, а Ник с серьёзным видом задумался, а потом смеялся вместе со всеми.

– Аннушка, дорогая, а где наш зять? Почему вы не вместе? Он собирается с нами на ярмарку? Он-то мне как раз очень нужен: мешки с кормом таскать я не могу, – тяжело, а купить надо много: три семьи заказы сделали. И не только корм, там сахар, чай, разные крупы, витаминные добавки. Большой список получился. Давай, дочка, отойдем в сторонку, чтобы ты рассказала спокойно, что там у вас происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.